

НА ПУТИ К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Правительство России формирует свою повестку, ориентируясь на общественный запрос. Среди приоритетов – устойчивое развитие и экономическая эффективность. Федеральный проект «Зеленая экономика» планируют реализовать в ближайшие пять лет. Его цели – повышение качества жизни, восстановление экологического равновесия, развитие стандартов и энергетической эффективности различных объектов. Депутат Государственной Думы Ю. А. Станкевич рассказал нашему журналу о снижении энергоемкости экономики, зеленых проектах, экономике замкнутого цикла и планах по адаптации к изменению климата.

Ю. А. Станкевич, заместитель
председателя комитета
Государственной Думы по энергетике

– **Юрий Аркадьевич, хотели бы сегодня поговорить с вами о федеральном проекте «Зеленая экономика». Скажите, пожалуйста, какие цели ставит перед собой этот проект?**

– «Единая Россия», как и любая политическая сила, при формировании своей повестки опирается на общественный запрос. Для того чтобы этот общественный запрос определить, несколько лет назад наша партия ввела в действие особую форму коммуникации, которую назвали народной программой. Эта программа учитывает выявленные в ходе диалога с самыми разными социальными группами во всех субъектах страны ожидания избирателей о тех регуляторных решениях, которые должны приниматься на всех управленческих уровнях. Она является прямым руководством к действию для представителей «Единой России» в законодательных институтах и в органах законодательной и исполнительной власти.

В ходе избирательной кампании Государственной Думы VIII созыва мы оценивали приоритетные направления, над которыми нам предстоит трудиться, в том числе на этапе подготовки федерального законодательства. Одним из основных векторов для нас стало устойчивое развитие. До известных событий 2022–2023 гг. мы смешивали понятия «устойчивое развитие» и ESG, но именно первое прочно вошло в обиход – не столько на уровне властных институтов, сколько на уровне ведущих российских компаний, ценные бумаги которых выставлялись на крупнейших зарубежных площадках и которые априори вынуждены были внедрять наилучшие практики на своих предприятиях. По сути, именно они во многом определяли ту позицию, которая затем формализовалась уже на уровне нормативных актов.

При выборе нескольких приоритетов, которым партия в ближайшие пять лет будет уделять повышенное внимание, среди массива всех данных и предложений, охватываемых народной программой, по моей инициативе, поддержанной коллегами весной 2022 г., мы остановились на са-

мостоятельном проекте, получившем название «Зеленая экономика». Мы знаем, что сила стереотипов – самая страшная сила. И когда мы говорим о зеленой экономике, кто-то предполагает, что мы подразумеваем альтернативные источники энергии, климатическую повестку и т. п. В нашем понимании, отразившемся в методологических документах, данное понятие охватывает ключевые цели устойчивого развития. Я бы выделил три из них.

Первая – это повышение качества жизни.

Вторая – восстановление экологического равновесия и достижение высокого уровня социальных гарантий, предоставляемых как государством, так и бизнесом, в том числе развитие институтов корпоративных и социальных стандартов.

При подготовке документов и целеполагании в рамках проекта мы во многом опираемся на уже сформированную законодательную базу. Если более детально затронуть вопросы, которым уделяется внимание в проекте, то это, например, вопрос **повышения энергетической эффективности экономики**. Мы знаем, что, несмотря на изобилие принятых решений, устанавливаемых нормативов достичь не получается. Еще в 2008 г. целевой показатель по снижению энергоемкости российской экономики к 2020 г. был определен на уровне 40 %. По данным субъектов РФ, которые подтверждаются Минэкономразвития, Минэнерго, Минпромторгом, Росстатом, по факту этот показатель составил не более 13 %. Новая редакция государственной программы по повышению энергоэффективности, утвержденная в сентябре 2023 г., показывает, что потенциал снижения энергоемкости в рамках того горизонта планирования, который охватывается этой программой (на период с 2019 до 2035 г.), составляет 35 %, то есть мы получаем 40 % в 2008 г. и 35 % в 2023 г.

Таким образом, мы топчемся на месте – более того, если мы посмотрим динамику энергоемкости экономики за последние три года, она будет отрицательной. Напраши-

вается вывод: при сохранении существующих тенденций мы не решаем ключевые задачи развития, которые приобрели дополнительную актуальность в обстоятельствах новой реальности с февраля 2022 г. Мы не в состоянии провести технологическую модернизацию промышленности без решения этих вопросов и не можем обеспечить должный уровень конкурентоспособности нашей экономики в международной кооперации, и это не зависит от того, что сейчас мы больше сотрудничаем с Востоком или Югом, чем Западом: все страны в нынешних условиях стремятся к повышению эффективности использования всех видов природных ресурсов.

Третья важная цель устойчивого развития – остановить рост цен на электро- и тепловую энергию, водоснабжение и водоотведение. Без снижения энергоемкости сделать это невозможно.

Обратимся к климатической повестке. Я уже упомянул страшную силу стереотипов. Климатическая повестка большинством граждан воспринимается как нечто навязанное извне под надуманным предлогом. Кроме того, упоминая этот термин, часто подразумевают исключительно вопросы сокращения выбросов парниковых газов, приводящих к изменению температуры на Земле. Отрицать тот факт, что климат меняется, в том числе на территории России, нельзя. Если мы посмотрим национальный план второго этапа адаптации к изменениям климата, то он начинается со слов, что темпы роста среднегодовой температуры в Арктике, немалая часть которой относится к России, превышают мировые темпы роста практически в четыре раза. Это подтверждают многолетние наблюдения Росгидромета, иных служб и производственных компаний, осуществляющих деятельность в зоне вечной мерзлоты. Даже если предположить, что это циклический процесс и через 150 лет ситуация поменяется, то полтора века – это восемь поколений, то есть в любом случае игнорировать это обстоятельство нельзя. При этом важно понимать,

что потепление может быть как проблемой (опустынивание земель и засуха на юге), так и в некотором смысле преимуществом – за счет увеличения территорий в хозяйственном обороте. Поэтому говоря о климатической повестке в рамках проекта, мы в первую очередь подталкиваем органы государственной власти и в целом субъекты РФ к тому, чтобы при подготовке региональных планов адаптации к изменениям климата, формировании собственной идеологии, определении источников и объемов финансирования они опирались на локальные изменения, которые наблюдаются на их территории.

В 2022 г. наши компании, так или иначе завязанные на приобретение комплектующих технологий из-за рубежа, говорили о том, что нам необходимо в нынешних условиях приостановить следование за тенденцией, связанной с осознанным введением ограничений, которые в итоге привели бы нас к формированию экономики замкнутого цикла. Но я считаю, что мы поступили правильно, когда продолжили следовать этим курсом. Были приняты точечные, но востребованные решения на уровне актов Правительства, например введен мораторий на проведение плановых проверок в области промышленной и экологической безопасности, пере-

несены сроки вступления в силу ряда требований по получению документации.

Всех своих коллег-депутатов и прочих участников проекта (сегодня мы охватываем 80 субъектов РФ) мы ориентируем на то, что тенденция стремления к зеленой экономике устойчива, она не будет меняться и мы не можем от нее отступить. Это понимают и федеральные органы власти.

– Спасибо, что подробно рассказали о проекте. А каких успехов удалось добиться за время его существования?

– Знаете, Карл Маркс писал: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Я уже упомянул, что в нашем проекте участвует 80 субъектов РФ. Региональными координаторами являются не менее 20 депутатов, представляющих ключевые комитеты Государственной Думы, – исполнители или соисполнители по законопроектам, тематика которых сопряжена с вопросами, находящимися в ведении проекта «Зеленая экономика». Я считаю, что из тех законопроектов, которые мы рассматривали начиная с весны 2022 г., стоит выделить: перезапуск механизма расширенной ответственности производителей,

ужесточение ответственности за сокрытие экологической информации и ряд стимулирующих норм, которые сегодня находятся на рассмотрении и после введения позволят поддерживать компании, внедряющие наилучшие доступные технологии (НДТ).

Например, поправки в Водный кодекс РФ, предложенные в ноябре (законопроект № 486735-8), предоставят компаниям, осуществляющим строительство энергетической инфраструктуры, в частности атомных и тепловых электростанций, право применять прямоточные системы водоснабжения. Эти технологии успешно используются за рубежом, но при этом у нас с 2007 г. были под запретом. И мы предполагаем, что введение такого запрета на уровне российской юрисдикции в свое время было принято не без лоббистской помощи зарубежных хозяйствующих субъектов и их представителей, которые тем самым стремились закрепить свое присутствие путем предоставления технологий и оказания сервисных услуг российским компаниям. Таким образом, наиболее перспективные НДТ, которые мы уже могли бы у себя применять, по сути, оказались под замком. И выявление таких пробелов при принятии решений – это одна из задач, которые мы перед собой ставим.

В настоящее время практически готов законопроект о внесении изменений в Налоговый кодекс РФ, который позволит кратно увеличить объемы благотворительной помощи нуждающимся в части раздачи продовольственных товаров торговыми сетями, ретейлом, объектами общественного питания – реализовать так называемый фудшеринг. Известно, что у нас образуется огромное количество пищевых отходов – по тем данным, которые нам предоставляют некоммерческие организации и крупнейшие торговые сети, приблизительно 17 млн т ежегодно, при этом объем продовольствия, не отправляемого на свалку, а еще годного для использования по прямому назначению, измеряется сотнями тысяч тонн. Принятие этой новеллы позволит в 80 или даже 100 раз сократить объемы тех отходов, которые сегодня попросту выбрасываются со всеми последствиями.

Нам очень долго не удавалось достичь договоренности с Минфином России, поскольку возникали опасения, что внесение изменений в Налоговый кодекс РФ приведет к злоупотреблениям со стороны сетей в части учета и возмещения налога на добавленную стоимость. Но мы смогли согласовать алгоритм, который, с одной стороны, позволит сделать этот механизм прозрачным, а с другой стороны, мотивирует компании к тому, чтобы раздавать подобные товары, а не складировать их и потом отправлять на утилизацию.

Еще один важный проект – это комплексная программа модернизации ЖКХ (далее – программа), поручение о подготовке которой было дано Президентом в июне 2022 г. Высокий уровень износа инженерной инфраструктуры был одним из предметов нашего пристального изучения. Президент в рамках Петербургского международного экономического форума давал соответствующее поручение Правительству и говорил о том, что модернизация жизнеобеспечивающей инфраструктуры является одним из важнейших приоритетов государства на современном этапе. Он оценил затраты в течение ближай-

ших 10 лет на эти цели в 4,5 трлн руб. Это колоссальная сумма. Чтобы у вас сложилось представление: программа социальной газификации, которая реализуется компанией «Газпром» и Правительством Российской Федерации при поддержке «Единой России», предполагает финансирование в объеме 1,8 трлн руб. А сумма, необходимая для переоборудования ЖКХ, практически в три раза больше.

За счет средств консолидированной бюджетной системы столь амбициозную задачу в разумные сроки не решить. Поэтому, понимая и воспринимая слова Президента как сигнал к действию, который получили Правительство и органы исполнительной власти на всех уровнях, в том числе на уровне субъектов РФ, мы сейчас готовим предложения, которые позволили бы в целом оценить эффективность управления системой ЖКХ за последние годы и создать стимулы для привлечения частных инвестиций. Тем не менее эти предложения подвергаются критике, подчас обоснованной, которую мы получаем из муниципалитетов субъектов РФ: дело в том, что концессионеры,

берущие в управление объекты инфраструктуры, часто не справляются со своими задачами, выжимают для себя максимальную пользу и потом уже изношенный актив оставляют государству либо очередному собственнику. Но я все-таки исхожу из того (и коллеги меня поддерживают), что без привлечения частных инвестиций навести порядок в этой сфере мы не можем.

Любое управление должно уметь сочетать кнут и пряник. Туда, где происходят разрывы средств и завышение тарифов на услуги, должны приходить правоохранительные органы, а если деятельность собственника эффективна, его нужно поддерживать и поощрять. Я могу об этом говорить, опираясь на опыт компаний из Нижегородской области, поскольку именно это субъект РФ я представляю в Государственной Думе: есть концессионеры, которые успешно работают за счет повышения собственной эффективности, своевременного мониторинга состояния инфраструктуры, внедрения автоматизированных средств контроля, поиска на рынке наилучших

доступных решений для повышения энергоэффективности. Они в состоянии действовать в условиях кредитной нагрузки и при этом еще активно развиваются и зарабатывают. Таких примеров хватает. Наша задача – растиражировать накопленный успешный опыт в ЖКХ по всей стране.

– Давайте вернемся немного назад, к экономике замкнутого цикла. Рассматриваете ли вы такое направление, как обращение с основным видом отходов энергетики – золошлаковыми отходами?

– Среди нескольких миллиардов тонн отходов, которые ежегодно образуются в России, на долю ТКО приходится всего около 50 млн т. Необходимость заниматься вопросами обращения с ними подтверждают статистические данные, например, в 2021 г. российские предприятия произвели рекордное количество отходов – практически 8,5 млрд т, и подавляющее большинство в процентном соотношении составили промышленные отходы, которые просто складировались. Показатель 2021 г. превышает показатель 2020-го пандемийного года более чем на 20 %, а данные, полученные в 2019 г., – на 10 %. Более половины прироста производственных отходов обеспечила угольная отрасль. Это в том числе как раз золошлаки, о которых вы говорите.

Возможно, в нынешних условиях (из-за того, что угольные предприятия оказались отрезаны от части рынков, куда ранее они экспортировали свою продукцию) снизится объем добычи металлургического, энергетического угля – и, как следствие, объем отходов. Но решение проблемы утилизации, сокращения отходов, накопленных за предыдущий период, все равно чрезвычайно актуально.

Было бы полезно обратиться к опыту Китая, у которого есть огромная доля угля в энергетическом балансе, тем не менее он находит эффективные решения для применения отходов.

В России в последние годы дискуссия по поводу золошлаков тоже активизировалась. Более того, были созданы некоммерческие объединения

крупнейших производителей и в целом заинтересованных лиц. Моя задача как федерального координатора проекта помочь всем участникам рынка, которые воспринимают эти отходы угольной отрасли не как пассив, а наоборот, как источник производства продукции более высокого передела, продукции из вторсырья, – создать регуляторные условия, которые позволили бы на порядок увеличить объем переработки золошлаков. В противном случае проблему ликвидации отходов и в целом минимизации ущерба, накопленного из-за антропогенной нагрузки за последние несколько десятилетий, мы не решим. И это печальное наследие мы, к сожалению, можем передать нашим потомкам. Этого очень хотелось бы избежать.

– Отрадно слышать, что этому вопросу уделяется внимание. И учитывая инструменты, о которых вы говорили, полагаю, достичь поставленных целей получится. А с какими сложностями вам пришлось столкнуться?

– Мы столкнулись не со сложностями в рамках проекта, а с объективными сложностями, актуальными для всей страны, всех наших предприятий. Я приведу несколько при-

меров. Когда мы раньше говорили о металлургии, энергетическом машиностроении, нефтепереработке, нефте- и газохимии, создании новых производств, мы опирались на решения, продукты, предлагаемые западными компаниями, и считали это абсолютно нормальным. Жизнь подталкивала нас к тому, чтобы воспринимать эту международную кооперацию как данность, аксиому, которая будет длиться десятилетиями. Если поехать на крупное металлургическое предприятие, например в Выксу Нижегородской области или на Магнитогорский металлургический комбинат в Челябинской области, можно заметить, что Германия, Италия, Финляндия, ряд иных стран являются основными поставщиками используемого оборудования.

Мы начали наш диалог с того, что законодатель, государство в целом, проявляя свою управленческую волю, давал компаниям сигналы о том, что основные требования, связанные с последовательным сокращением антропогенного воздействия на окружающую среду, пересматриваться не будут. С другой стороны, в сформировавшихся условиях компании не имели не только материальной, но и физической возможности приобрести, установить и исполь-

зовать оборудование, наличие которого в технологическом процессе позволило бы выполнить ранее установленные требования государства. Наверное, в этом и заключалась сложность для нас, потому что оставлять без внимания обоснованные запросы компаний нельзя. В то же время из-за того, что, например, в сфере экономики замкнутого цикла мы продвинулись достаточно далеко, взять какую-то паузу тоже было бы неверно, потому что это могло бы отбросить нас на несколько шагов назад.

Приведем пример в упомянутой уже мной нефтепереработке. Основной инвестиционный цикл, связанный с модернизацией, у нас начался в середине 2000-х гг. Тогда компании брали на себя обязательства и подписывали многосторонние соглашения с Минэнерго, ФАС именно по модернизации своих мощностей для того, чтобы повысить уровень переработки и сократить до минимума выпуск мазута и прочих темных нефтепродуктов, которые не востребованы в нашем топливно-энергетическом балансе. Мы стали привыкать к тому, что наши нефтеперерабатывающие заводы поставляют бензин и дизельное топливо качества, не уступающего европейскому.

Между тем инвестиционный цикл, связанный с модернизацией в такой энергоемкой индустрии (не только в нефтяной отрасли, но и в металлургии, химической промышленности и др.), подразумевает капитальные вложения, которые измеряются десятками и сотнями миллионов долларов, и охватывает 10–15 лет, а может, где-то и больше. Поэтому пересмотр законодательных требований способен нарушить естественную эволюцию.

Резюмируя ответ на ваш вопрос, я бы выделил этот вызов – сохранить преемственность и последовательность государственной политики и одновременно обеспечить эффективную работу и модернизацию предприятий. Поиск решений, которые позволили бы эти цели сбалансировать, наверное, и был самым сложным. Подход должен быть комплексным, и это тема для отдельного

разговора, поскольку затрагивает вопросы импортозамещения, деятельность Минпромторга, некоторые временные, локальные, но тем не менее очень важные решения, параллельный импорт и т. д.

– Конечно, это большая тема, которую мы можем оставить для следующей беседы. А если обратиться к климатической повестке, как вы считаете, уделяется ли должное внимание климатически нейтральному обращению с отходами?

– Слово «должное» слишком обобщающее. У нас есть стратегия социально-экономического развития, подразумевающая стремление к низкому уровню выбросов парниковых газов, кроме того, Президент неоднократно говорил о том, что достижение так называемой углеродной нейтральности является нашим стратегическим приоритетом, однако это не значит, что мы будем идти по пути полной декарбонизации экономики. Сейчас происходит определенное смешение понятий. Например, в Дубае недавно состоялась 28-я Конференция сторон

Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28), и в ее повестке декарбонизация практически не отличается от углеродной нейтральности. А мы говорим о том, что поглощающая способность нашей экосистемы и возможности обращения с отходами будут такими, что мы сможем использовать углеродное топливо и при этом нивелировать тот вред, который возникает в результате антропогенной нагрузки. Если такой углеродной нейтральности мы и достигнем, то в идеале можно будет сказать, что все процессы, связанные с оборотом ресурсов, повторным использованием отходов налажены должным образом.

Пока у нас этого нет. Поэтому если односложно ответить на ваш вопрос, то нет, комплекс необходимых мер еще не сформирован. Но в любом случае мы постепенно в этом направлении двигаемся. Хотя и не всегда так, как хотелось бы: в законопроект о проведении Сахалинского эксперимента, который был принят Госдумой в 2022 г. и действует до 2025 г., я предлагал добавить и другие

субъекты РФ. Желающие были – Нижегородская область, Башкортостан, Республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ. Но Минэкономразвития действовало очень осторожно, и наши коллеги поправки не поддержали.

В части обращения с отходами мы также могли бы двигаться более интенсивно, но повторюсь, ситуация сегодня требует очень взвешенных и осторожных решений. Пока лучше руководствоваться известной нам поговоркой: «Поспешай, но медленно».

– Интересная точка зрения. Получается, отделять тему отходов от климатической повестки не стоит, а нужно двигаться в направлении комплексного и системного подхода?

– Моя позиция такова: система дает результат. Нужно определить контуры и неотъемлемые элементы

этой системы и двигаться по всем направлениям одновременно. Как показывает жизненный и исторический опыт, такой подход к формированию регуляторной политики, правил игры, достижению национальных целей приносит необходимый результат. Мы настраиваемся на то, что пусть это будет не так быстро, но будет неизбежно.

В противном случае мы можем столкнуться с ситуацией, которая возникла при реализации госпрограммы по энергосбережению: в 2008 г. начали, а в 2023 г. оказались в той же самой точке, пройдя по кругу. При этом еще и получили множество побочных эффектов в виде, например, демотивации участников рынка. Те, кто занимался энергетическим обследованием, энергетическим аудитом, производством оборудования, компании, которые активно стремились применить энергоэффективные оборудование и технологии в расчете

на то, что государство их каким-то образом поощрит, достигнув общественно полезного результата, возложили расходы исключительно на собственный корпоративный бюджет. Мне кажется, такой несистемный подход – неверный. Хотелось бы в вопросах климатической повестки избежать тех ошибок, которые мы совершили.

– Конечно, сложно с этим не согласиться. А какая на сегодняшний день ситуация с энергетической утилизацией отходов? Осуществляется ли поддержка планируемых объектов?

– Инфраструктура, включающая в себя отдельный сбор мусора, 100%-ную сортировку отходов, извлечение полезных фракций и компостирование, а также строительство заводов по энергоутилизации остаточных фракций отходов, – это часть современной оптимальной практики, сло-

жившейся в мире и соответствующей принципам экономики замкнутого цикла. Заводы по энергоутилизации отходов – самый высокотехнологичный элемент комплексной системы обращения с ТКО. Те отходы, которые нельзя вовлечь во вторичный оборот, подвергаются термической переработке. На сегодняшний день строительство таких заводов в Подмосковье и еще нескольких регионах выходит на завершающую стадию. Проекты заводов прошли 10 российских и две независимые международные экспертизы. Все заключения подтвердили экологическую безопасность объектов. Например, предприятия в Московской области будут перерабатывать 2,8 млн т отходов в год с получением около 300 МВт электрической мощности.

– Каким образом планируется стимулировать инвестиции в зеленые проекты?

– За последние 10 лет общемировой размер активов инвесторов, учитывающих принципы экологической, социальной и управленческой ответственности, увеличился в 3,5 раза и достиг \$50 трлн. Скорость роста фондов зеленых облигаций за последние три года составляет в среднем 50 % в год. В конце 2022 г. общий объем мирового рынка этих облигаций превышал \$1 трлн.

В мировой экономике происходит формирование двух новых сфер, которые в большинстве стран G20, по прогнозам, окончательно сложатся в течение ближайших 15–20 лет. Первая сфера – в секторе финансов – включает в первую очередь рынок производных финансовых инструментов и торговлю квотами на выбросы парниковых газов. Вторая сфера – это зеленая экономика в реальном секторе.

При прочих равных условиях зеленые технологии и производства менее масштабны и более безопасны, чем индустриальные технологии XX в. Речь идет о сокращении выбросов в окружающую среду не только загрязняющих веществ, но и парниковых газов – как по экологическим (с целью снижения техногенного воздействия на формирование клима-

та), так и по финансовым причинам, учитывая существенные издержки, которые несут и продолжают нести в будущем экономики разных стран. Высокая наукоемкость разработок и уровень технологичности зеленых производств и услуг обеспечивают ускоренный переход к новому (шестому) технологическому укладу, который будет определять лицо мирового хозяйства и конкурентоспособность национальных экономик.

При реализации в стране агрессивной инновационной политики в области экологически чистой энергетики мы получим прорывные нововведения, позволяющие превзойти уровень ВВП, который мог бы быть достигнут на существующей технологической базе.

– Какие сегодня существуют правовые проблемы на пути к зеленой экономике?

– Учитывая значимость климатической повестки, необходимость обеспечения энергоперехода и снижения объемов выбросов парниковых газов, а также широкий охват глобальной политики в сфере изменения климата, создающий дополнительные риски для российской экономики, первостепенную важность приобретает создание стимулов и условий для переориентации потоков капитала на финансирование устойчивого экологического, социального и экономического развития страны, а также адаптация участников финансового рынка к новым вызовам.

Необходимо обеспечить соответствие международным стандартам российских подходов к определению и верификации устойчивых, в том числе зеленых проектов. Важная роль в углеродоемких секторах производства отводится таксономии переходных проектов, которая ориентирована на высокий экологический эффект. Наличие собственной системы критериев и верификации устойчивых и переходных зеленых проектов позволит существенно расширить круг потенциальных инвесторов и обеспечить доступ к более дешевому финансированию, а также избежать рисков неправомерного отнесения продукции

к категории зеленой и сделать рынок новых финансовых инструментов максимально прозрачным.

– Каковы перспективы развития проекта в ближайшем будущем? Какие планы на 2024 г.?

– Я очень рассчитываю на то, что в ближайшие два-три года нам удастся придать второе дыхание политике повышения ресурсной эффективности экономики.

Для улучшения показателей снижения энергоемкости и углеродоемкости требуется усилить меры воздействия государственной политики в секторах с наибольшим объемом потребления энергии (производство и распределение электрической и тепловой энергии, промышленность и ЖКХ).

Необходимо также простимулировать внедрение технологий, использующих в рамках производственного цикла вторичные энергетические ресурсы или вторичные ресурсы вместо традиционного первичного сырья. Чтобы повысить эффективность использования энергии при эксплуатации зданий и сооружений, мы планируем скорректировать законодательство и создать механизм контроля за выполнением требований в этой сфере, предусмотренных в проектной документации объектов капитального строительства, а также разработать критерии для оборудования зданий индивидуальными тепловыми пунктами и автоматизированными узлами управления отоплением.

В качестве межотраслевой меры мы рассматриваем умное цифровое управление потреблением энергетических ресурсов в различных отраслях.

В рамках реализации новой Климатической доктрины России, утвержденной в октябре, планируем сосредоточиться на поддержке проектов (в том числе в области лесного хозяйства), направленных на сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение их поглощения, а также повышение качества поглотителей и накопителей выбросов. ♻️